О ЧЕЛОВЕК! ПУСТЬ КАЖДАЯ СТРОКА МОЕЙ ЛЮБВИ К ТЕБЕ СКАЛОЙ ВЗНЕСЕТСЯ...

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

ВОСПОМИНАНИЕ О КРЕМЕНЦЕ

Письмо Ярославу Ивашкевичу

Дорогой пане Ярославе!

Я знаю, что в Вашей памяти, как и в моей, светится и сейчас то ясное и душистое утро, когда Вы сошли с самолета на росистую траву Тернопольского аэродрома. Вы прилетели сюда, торопясь на торжества, посвященные 160-летию со дня рождения в старинном украинском городке Кременце великого поэта Польши Юлиуша Словацкого. Торжества начинались 8 октября 1969 года. Это было почти десять лет тому назад. Вы шли под чистым, безоблачным небом по улицам возрожденного, возведенного из страшного праха руин Тернополя. Вы шли, улыбаясь и радуясь. Вы жали руки приехавшим на празднество русским, украинским, белорусским, литовским друзьям. Вместе с писателями Вас встречали партийные и советские руководители области, тернопольцы — и стар, и млад. Они знали, кто этот статный, красивый, крепкий и широкоплечий, высоколобый и приветливый человек, улыбавшийся и людям, и небу, и белым домам Тернополя, и густозеленым его садам. Вы, как и мы все, были взволнованы и скрывать своей радости и волнения не хотели. Начинался знаменательный, светлый, сердечный праздник не только литератур, но и народов родственных, близких друг другу, хотя в истории их было в прошлом немало страниц скорбных и тяжелых, ныне навсегда перечеркнутых торжествующей рукой братства, единения, взаимопонимания.

Вы шли, расспрашивая о программе празднества. Кульминационным пунктом было открытие памятника в Кременце. Не сохранился дом, где родился Юлиуш. Но недалеко от него стоит белоколонный скромный особнячок, принадлежавший деду Словацкого, в котором нянчили, пестовали, баловали сероглазого внука. На него такие большие надежды возлагала и семья Словацких, и семья Янушевских (родители матери Юлиуша — Саломеи)! Как поразительно их надежды осуществились! Ребенок вырос и стал гениальным поэтом не только Польши, но и всего человечества. Вот почему во дворе кременецкого дома и открывали сегодня посвященный ему памятник. Это изваяние работы украинского скульптора В. Бородая было, кажется, первым воздвигнутым на земле монументом Словацкого.

Вереница машин двинулась из Тернополя по большому тракту в Кременец. В сосредоточенном молчании любовались Вы пейзажами Тернопольщины. Величественное предвестие Карпат чувствовалось в их холмах, долинах, крутоярах. В этом украинском пейзаже было много отличного от тех картин природы, которые окружали Вас в детстве, — широкие степи южной Киевщины, синие берега Роси, рощи и курганы Кальника, Тимошевки, Дашева, для Вас незабвенные, доныне Вами воспеваемые. Меня трогает Ваш поэтический триптих, начатый еще в 1916 году и законченный уже в году 1931-м. Возвратившись из странствий по западу Европы, Вы вспоминаете места своего рождения и мечтаете о том, чтобы

Всмотреться в зеркало
зеленых вод,
Где лик бы твой побледневший
отразился.
Напрасна жажда взлета
и почет.
Так много прожито.
Так мало остается.

Нет, и тогда оставалось, и теперь остается к свершению очень и очень много, хотя уже столько сделано, пережито, передумано, хотя столько уже создано прекрасного и превосходного, достойного почета, которым особенно сейчас, в дни Вашего восьмидесятипятилетия, окружают Вас миллионы благодарных читателей.

Вы были молчаливы тогда, когда, едучи в Кременец, всматривались в плавные и волнистые земли, орошаемые зелеными водами Иквы, воспетой Вами почти полвека тому назад. Чувство прозрения, возвышенное, но и задумчиво-грустное, руководило Вами в поэтическом диалоге с Иквой, зеленой водой своей омывавшей и напоившей детство и отрочество Юлиуша. И вот Вы увидели заветные воды, и встал перед мысленным взором Вашим навеки сияющий над этими водами образ поэта:

Ему навстречу думал
бежать я,
Чтоб стал звездою в море
снять мне,
Чтоб мне ответил
песней надводной,
Песней нескорбной,
песней свободной.
(Перевод М. ПАВЛОВОЙ)

Вы прилетели ему навстречу. Перед Вами расступились толпы народа, собравшегося возле дедовского дома Словацкого. Там сейчас помещается городская библиотека с мемориальной комнатой поэта, в которой собраны книги Словацкого, о Словацком, о польской культуре и литературе. Такая же комната открыта и в городском музее, где бережно хранятся семейные портреты, книги, вещи, принадлежавшие Словацким и Янушевским.

Около еще закрытого полотняным покровом памятника начался митинг. На пяти языках звучали речи писателей, учителей, школьников. Вот выступили и Вы. Толпа напряженно и почтительно слушала.

— У меня чувство такое, словно сам Словацкий сейчас присутствует тут, вместе с нами, живой среди живых, — говорили Вы. — Сбываются мечты поэта. Образ его стал образом мира. Польская романтическая литература и этот памятник, воздвигнутый на украинской земле — на земле одной из республик Советского Союза, — свидетельствуют о вековой дружбе наших народов, утверждают то великое, что объединяет, а не разделяет сердца.

Первый секретарь партийной организации области И. М. Ярковой перерезал ленту, покров упал—и под полуденным солнцем Кременца засияло тонкое и красивое лицо поэта. Вы долго всматривались в его черты. А я думал о том, что никто, как Вы, так не заслуживает быть названным достойным продолжателем тех традиций любви и понимания между польским и украинским народами, певцом которых был Юлиуш Словацкий, начиная от его юношеского стиха «Украинская дума» и до величавых октав эпопеи о Бенёвском. Творчество Словацкого пронизано украинскими мотивами, воспоминаниями о земле, на которой он родился, о «реке кременецкой горы», об Икве, «текущей по коврам зеленых лугов».

Ваше стихотворение «Иква и я» не просто продолжило начатую Словацким тему, но и развило ее, неразрывно связав образ гениального мятущегося поэта с образом животрепетной и чистой реки. Вы прочли это стихотворение на вечере в актовом зале бывшего Кременецкого лицея, в котором польский язык и литературу в свое время читал отец Юлиуша — рано умерший пан Эвсебиуш.

Сейчас в старинных домах лицея размещается педагогическое училище. Гулкие коридоры наполнены молодыми голосами. Юноши и девушки стоят плечом к плечу. Актовый зал невелик, а желающих увидеть и послушать гостей Кременца — поэтов пяти народов — так много. Отзвучали стихи. Артист сел к роялю. Кажется, никогда я так не воспринимал музыку Шопена, как тогда, в Кременце. Великолепно влились гениальные прелюдии и ноктюрны в гармоничную атмосферу вечера, посвященного благородным творениям высокого польского романтизма.

Сколько мы были с Вами в Кременце? Дня два-три, но как живут, дышат и волнуют до сих пор воспоминания об этом уютном городке в долине Иквы, раскинувшемся по склонам лесистых невысоких гор! Домики под гонтовыми крышами, стройные колокольни церквей и костелов, бело-желтые фронтоны зданий лицея, утонувшие в зеленом шуме старинного парка. Он был тогда еще очень молод, этот парк, насаженный Чацким, основателем Кременецкого лицея, когда в шелест его лип, ясеней, кленов вслушивался маленький Юлиуш. Тихо беседуя, группа писателей проходила аллеями парка, направляясь к недалеко лежавшему кладбищу. Мы шли к могиле матери Словацкого. Самым любимым существом для Юлиуша была его мать, а для Саломеи не было большей любви, чем любовь к сыну. И мы не забыли об этом, решив возложить цветы кременецких лугов к позеленевшему от мхов надгробному кресту на могиле Саломеи Словацкой-Янушевской.

Мы стояли в молчании вокруг могилы. Кто-то из польских поэтов начал тихо, будто про себя, читать стихи Юлиуша. Польская речь влилась в торжественную тишину кладбища. Вы, пане Ярославе, наклонились и букет осенних астр заботливо расстелили у надгробия. Потом Вы назвали эти цветы самыми прекрасными. Они были такими потому, что Ваше творческое естество возвышенно и чутко резонировало на эту тишину, на эту скорбность мыслей, на осенний щемящий запах цветов, деревьев, мхов, на покой этого сада усопших. Мы смотрели на Вас. Ваше лицо не могло скрыть задумчивой грусти. Однако я уже знал Вашу «Книгу моих воспоминаний», в которой Вы о пережитом писали:

«Проходят, проходят, проходят в голове эти образы земли, оставляя запах после себя и какое-то смятенье. Цветистая мгла перед глазами не развеивается, все смешивается, все становится единым. И вдруг из богатства образов и мыслей, из богатства увиденных лиц и пожатых рук рождается поражающая мысль: радость от того, что пережито».

В Ваших стихах, только что опубликованных стихах, в общем, грустных и хмурых, и сейчас вдруг звонко заблестит, вдруг ярко зазвучит эта радость, это восхищение мощью бытия, эта животворная вера в человека, в человечество, в человечность. Нет, безнадежный пессимизм так же чужд Вам, как чуждо человеконенавистничество, грубость и самодовольство мещанина, как враждебно и отвратительно Вам варварство фашизма. Вы просто удивительный человек по тому многообразию чувств, мыслей, знаний и переживаний, которое воплощено в образы Вашего творчества, которое наполняет Вас сознанием бессмертной красоты мира и жизни. И от юношеских «Восьмистиший» до мудрой печали «Карты погоды» это сознание находит для своего выражения формы — чем более зрелые, тем более простые и ясные в «снятой», как говорил старик Гегель, сложности содержания своего. Вся поэзия Ваша овеяна лиричностью, вовсе не всегда сдержанно грустной и нежной. Гнев, ирония, презрение звучат в многоголосии Вашей поэзии и Вашей прозы, также овеянной лиричностью в разнообразнейших ее интонациях.

Сложен контрапункт Ваших рассказов и повестей, и все же голос Ивашкевича сразу услышишь, читая такие непохожие одна на другую повести, как «Луна восходит» и «Мать Иоанна от Ангелов», как «Костел в Скарышеве» и музыкальный цикл «Садов». Музыкой проникнута и самая большая, многоплановая эпопея Ваша — «Хвала и слава». Слово и музыка — они сплелись в творчестве поэта и музыканта Ивашкевича, создавая его неповторимый и в польской литературе, и в литературе мира стиль, утвержденный на основе глубокого восприятия культуры всечеловеческой — литературы, музыки, живописи.

С юношеских лет, прожитых на Украине, Вы впитали в себя и героический дух родной польской литературы, и мелодии украинской речи, и несравненные ценности литературы русской. Сквозь всю жизнь, даже в зловещую пору господства в Польше шовинистических правителей, Вы пронесли любовь к богатствам русского языка, к сокровищам русской литературы. Еще тот поэт, перед памятником которому Вы только что стояли, говорил о прекрасном, «полном алмазов» языке Пушкина. Мицкевич и Пушкин. Они для Вас дружески соединены, как бы жестокие времена их ни разъединяли. О Пушкине Вы писали в 1939 году (драма «Маскарад») и в книге размышлений о Петербурге—Ленинграде (1977 год). Как глубокий знаток и ценитель, Вы говорите и в стихах, и в прозе о Пушкине, Толстом, Ахматовой, о Глинке и Скрябине, наслаждаясь красотой и чистотой их творений. Вы — художник широчайшего размаха, глубоко убежденный борец за культуру, не замкнутую в себе самой, а достойно несущую черты общечеловечности, черты интернационалистские. Таковы и есть литература и искусство современной Польши, страны великой культуры, развивающейся благодаря таким могучим талантам, как Ваш, дорогой пане Ярославе. Вместе с народом социалистической Польши мы гордимся Вами и любим Вас.

Обо всем этом я думал, стоя накануне нашего отъезда рядом с Вами на Замковой горе над Кременцем. Красивая, добрая, светлая земля широко раскрывалась перед нами. Суровые камни старинной крепости, называемой тут крепостью королевы Боны, не заслонили перед нами мирного и спокойного кругозора. Позднее Вы вспоминали об этой прогулке на гору королевы Боны. Роскошным пейзажем назвали Вы увиденное. «Какой же дивный и прекрасный случай, — говорили Вы, — что именно тут, в этом чудесном уголке земли, пришел в наш мир великий поэт, ставший одним из связных между нашими народами, залогом дружбы и сотрудничества». Так Вы писали, возвратившись из Кременца в Киев, собираясь к отлету домой, в Варшаву, в свое Стависко. Я знаю, что Вы возвращались, неся в себе нечто новое и ценное, обогатившее Ваше сердце.

Дорогой пане Ярославе! Как я мечтаю, что осенью, в 170-ю годовщину рождения великого Юлиуша, мы снова вместе с Вами подойдем к его памятнику и положим к его подножию наши цветы, цветы любви и благодарности!

Ваш Микола БАЖАН
КИЕВ

К 85-летию со дня рождения писателя

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

ЕЛЕНА И ГАЛИНА

Повторяя красивые имена дочерей Гагарина, я часто задумываюсь над тем, каким будет мир, когда они вырастут. Когда они, уже взрослые женщины, посмотрят на небо, звезды и увидят на небосводе путь, который проделал их отец. Конечно, полеты в космос будут тогда делом обычным. Помню, какой восторг и в то же время скептицизм вызвал перелет Линдберга через Атлантический океан. Все сходились на том, что это спортивный рекорд, большое достижение, но практического значения иметь, дескать, не будет.

Полет майора Гагарина, бесспорно, гораздо сложнее и знаменательнее. Преодоление земного тяготения, пребывание в состоянии невесомости по сравнению с полетом Линдберга — это нечто эпохальное. И все-таки, по-моему, не все отдают себе отчет, насколько это событие значительно, и как бы забывают об огромной работе тех, чья мысль и многолетний труд подготовили полет Гагарина, — не представляют себе, какие последствия для человечества будет иметь это путешествие в космос.

12 апреля останется навсегда в нашей памяти как большой день. И надо надеяться, что он действительно явится началом новой эры.

Для людей немолодых, которые в первой половине XX века были свидетелями стольких кровопролитий, несчастий, подлостей и преступлений, полет за пределы земной орбиты знаменует перемену к лучшему в мире. Невольно думается, что этот подвиг положит начало осуществлению самых сокровенных грез человечества, осуществлению извечной мечты.

А ведь извечная мечта человечества — это мечта о всеобщем мире, о сотрудничестве всех народов, о единстве и согласии, о совместном разрешении наболевших вопросов, о преодолении самых больших несчастий, таких, как болезни, увечья, преждевременная смерть. Приблизит ли подвиг майора Гагарина эпоху всеобщего благополучия? Сумеет ли человечество перед лицом задач, выходящих за тесные земные пределы, стать выше мелочных дел и чудовищных распрей? Будут ли народы жить в мире, когда Елена и Галина вырастут, будет ли человечество лучше, а человек — счастливее?

1961

Перевела Н. ПОДОЛЬСКАЯ

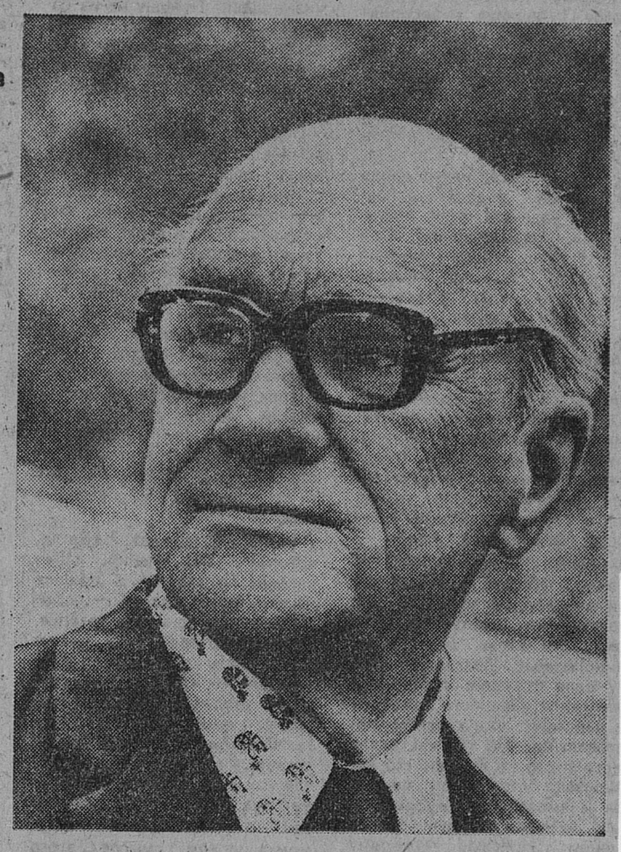

Фото В. КРОХИНА

РАДОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТКРЫТИЙ

В конце минувшего года я побывал в Стависко, под Варшавой, в гостеприимном доме Ярослава Ивашкевича. Как всегда, хозяин дома в разговоре касался множества тем и вопросов, переходил с одного на другое, как обычно, неизменно возвращаясь к литературе. Приводимые ниже мысли и высказывания замечательного польского писателя, 85-летие которого отмечается в эти дни, основаны на его богатейшем опыте и, думается, представляют интерес для нашего читателя.

В. БОРИСОВ

— Ужасно боюсь, когда меня просят дать какие-то рецепты и советы, имея в виду при этом молодых писателей, словно бы и в самом деле существовали некие правила, следуя которым можно овладеть литературным мастерством и стать писателем. Опасаюсь, что никаких рецептов для вступающих на путь литературного творчества не существует.

Прежде всего, не может быть каких-либо канонов и правил, обязательных для всех молодых литераторов. Все зависит от обстоятельств, индивидуальных особенностей личности, подхода к культурному наследию.

Скажу несколько слов о литературных влияниях, об освоении культуры письма, о том, какую роль сыграло в моей биографии чтение книг. Я глубоко убежден, что не может быть никаких готовых рецептов, когда речь идет о том, что должен читать молодой человек, мечтающий стать литератором. Пусть читает все.

В моей жизни большую роль сыграли две библиотеки. Одной из них была библиотека моего отца, а вернее — сложенная в одной комнате груда книг, странствовавших вместе с нами после отъезда из Кальника. Я имел к ней совершенно свободный доступ и брал оттуда все, что заблагорассудится. Другая библиотека принадлежала моему дяде Мартину Шимановскому; после его смерти она оказалась в доме моих елизаветоградских родственников без присмотра.

Разумеется, и это кажется мне весьма существенным, я был подготовлен к чтению книг на разных языках. С детства я говорил по-русски и по-украински, дома у нас была бонна-немка, а с помощью матери и теток я ознакомился с началами французского языка. Вдобавок к этому мои сестры, получившие образование в Кракове, занимались со мной польским языком, причем весьма основательно. Мне кажется, что такое знакомство с иностранными языками и зарубежной культурой весьма полезно для будущих писателей.

А вот сумеет ли такой читатель использовать свои познания и применить их в собственной практике, это уже его дело. Научить этому невозможно.

«Вторичность», повторение вычитанных схем — это уж зависит от индивидуальности. Оригинальность творческой мысли — большая редкость, и в конце концов не это самое главное. Сколько великих произведений является лишь повторением минувшего опыта!

Что еще сказать о себе? Я дебютировал как поэт, а потом перешел на прозу и драму. Все дело в том, что и на прозу, и на драму я смотрю как на своего рода поэтическую конструкцию. Для настоящего писателя все — даже его фельетоны — может быть поэзией. Разве «Степь» Чехова, «Детство» Толстого, «Суходол» Бунина не являются поэзией?

К сожалению, я уже слишком стар, чтобы следить за ходом развития современной литературы. Даже польской, не говоря уже о советской или французской. Множество явлений остается вне поля моего зрения, и мне трудно за всем угнаться. Поэтому иногда вдруг изумляет какое-то новое редкое дарование. Естественно, такие неожиданности, как проза Трифонова и Шукшина или в польской литературе — воспоминания Бялошевского, очень отрадны.

Хаотичное, бессистемное чтение имеет свои преимущества — гораздо больше возможностей встретиться с ярким явлением. А разве эти нежданные встречи — не самое приятное? Именно они напоминают нам нашу молодость, незабываемую радость великих литературных открытий.

Для меня такими величайшими открытиями были произведения Конрада, Чехова, Стендаля.